

*Детство,
опалённое войной...*

Ладони матери

Летят года в каком-то перезвоне.
 Что видано в пути, порой не передать.
 Но помню я две смуглые ладони,
 Ладони радости, что мне дарила мать.
 Ладони матери от боли часто ныли:
 Снопов касались, сеяли не раз.
 А в светлый час, когда мы крошки были,
 Ладони матери подбрасывали нас.
 И «Ладушки» при этом мама пела,
 И целовала, и вела рассказ.
 И форму школьную на нас –
 детей надела.

И слёзы счастья утирала с глаз.

Потом война... Опять её ладони
 Коснулись всех детей, как грусти
 два крыла.

Во всех боях я помнил те ладони,
 Чтоб их тоска победу обрела.
 Я шёл с войны в армейском
 строгом сборе.

Навстречу мама – птица светлых грёз:
 – Мой сын!!!!... Живой!!!!...

Ищу её ладони,
 Целую их, все горькие от слёз.
 На веки вечные запомнил две ладони.
 Они – как совесть мне, как талисман
 в борьбе.

И счастлив тем, что чуя её ладони –
 Ладони матери, прошедшей по земле.

Николай Суханов

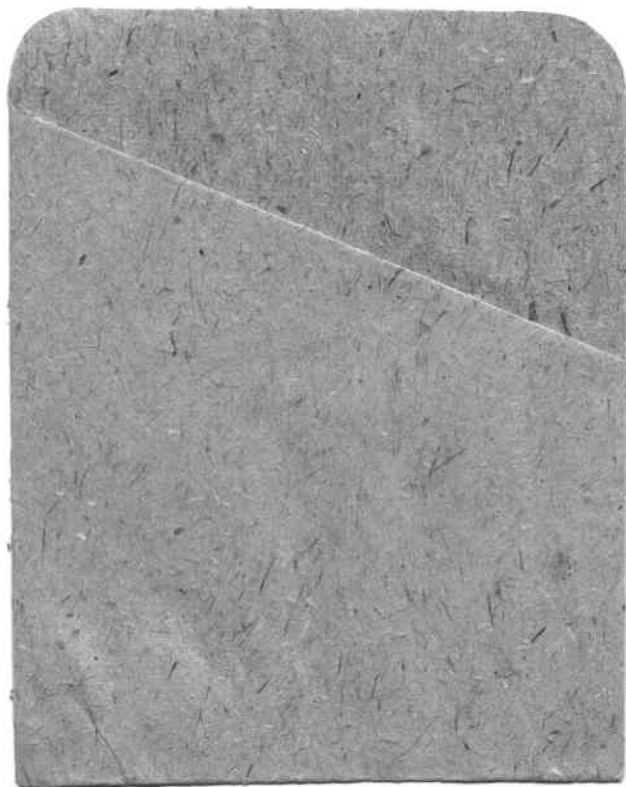

Вдовы Великой Отечественной войны только одного села Украинской ССР. В 1983 году, когда кинодокументалист Владимир Артёмченко снимал их для фильма «Ладони матери», перед сельским клубом встало 269 женщин (а был получивший на Берлинском кинофестивале название «Ладони матери» был самым ярким экспонатом Национального музея).

Комсомольский билет читинки Дины Суховой, дочери участника борьбы за власть Советов в Забайкалье С.А. Сухова

Детство, опалённое войной

*Литературно-публицистическая книга
документальных свидетельств детей войны*

Чита
«Экспресс-издательство»
2015

К 92(092) + 63.3(2)722-29 + 63.3(2P-43ad) 722

Д38

УДК 355/359
ББК 63.3(2)622
Д 38

Забайкальское краевое отделение
политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации»
Читинское городское отделение политической партии «КПРФ»
Забайкальское краевое региональное отделение Общероссийской
общественной организации «Дети войны»
Читинское городское отделение Общероссийской
общественной организации «Дети войны»

Редакционная коллегия:

Бондаренко В.И., Бутаков Ф.Ф., Гайдук Ю.Н., Клопова Г.М. (секретарь),
Куренная Е.Ф. (литературный редактор-составитель),
Леонтьев И.И., Петров Н.П., Поляков В.С.,
Родина А.В., Семёнова Т.Г.,
Сухопарова Г.Г. (главный выпускающий редактор воспоминаний),
Хоботова А.Л., Щапова И.Б.

Руководитель сбора воспоминаний,
их главный выпускающий редактор
ГАЛИНА СУХОПАРОВА

Автор проекта книги и её ответственный
литературный редактор-составитель
ЕЛЕНА КУРЕННАЯ

Координатор издания
ГЕННАДИЙ БОГДАНОВ

Научный консультант книги и автор послесловия
доктор исторических наук, профессор
НИКОЛАЙ ГОРДЕЕВ

Д 38 **Детство, опалённое войной.** Литературно-публицистическая книга документальных свидетельств детей войны / Слово к читателю – Богданов Г.Г.; проект, ред.-сост. – Куренная Е.Ф.; научн. консультант, послесловие – д.и.н., проф. Н.В. Гордеев. – Чита, Экспресс-издательство, 404 с., ил. – (К 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. над гитлеровским фашизмом и милитаристской Японией).

ISBN 978-5-9566-0406-9

Без малого 200 жителей Забайкалья – авторов этой книги рассказывают о своих детских, юношеских годах, выпавших на период войны, развязанной фашистской Германией против СССР. Публикуемые рассказы о том, что пришлось пережить детям и подросткам вблизи и вдали от фронта, в оккупации и в тылу, в блокадном Ленинграде и в концентрационных лагерях, на ближних и дальних тыловых границах Сибири, Севера и Дальнего Востока, стали документальными свидетельствами тех самых преступлений агрессора против человечности, которые срока давности не имеют. Напоминая об этом, крик души и памяти детей войны адресуем всем людям доброй воли как предостережение незабвенного Юлиуса Фучика: **«Люди, я любил вас! Будьте бдительны!»** И пусть фашизм никогда и нигде не пройдет!

И. О. 17570

УДК 355/359
ББК 63.3(2)622

© Богданов Г.Г., Слово к читателю, 2015
© Куренная Е.Ф., проект книги, лит. обработка, составление,
Слово литературного редактора, 2015
© Гордеев Н.В., научный консультант, послесловие, 2015
© «Экспресс-издательство» – набор, вёрстка, дизайн, оригинал-макет, печать, 2015

ISBN 978-5-9566-0406-9

ФОНД КРАЕВЕДЕНИЯ

70-летию ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.
ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Пролог

* * *

А мы не станем памяти перечить
И вспомним дни далёкие, когда
Упала нам на слабенькие плечи
Огромная, недетская беда.

Была зима и жёсткой и метельной,
Была судьба у всех людей одна.
У нас и детства не было отдельно,
А были вместе — детство и война.

И нас большая Родина хранила,
И нам Отчизна матерью была.
Она детей от смерти заслонила,
Своих детей для жизни сберегла.

Года пройдут, но эти дни и ночи
Придут не раз во сне тебе и мне.
И, пусть мы были маленькими очень,
Мы тоже победили в той войне.

Роберт Рождественский

Роберт Рождественский

Слово к читателю

**Дорогие земляки-забайкальцы,
соотечественники-россияне!**

Уверен: единожды открыв страницы этого цельного литературно-публицистического сборника воспоминаний детей войны, никто из Вас уже не сможет отодвинуть их в сторону. Под каждым авторским текстом могли бы подписаться Ваши собственные родители, Ваши дедушки-бабушки и воевавшие за Победу Ваши близкие и дальние родственники, соседи, знакомые. А, возможно, и Вы сами.

Из крупиц сугубо личных историй перед нами предстаёт картина военного времени почти всей советской страны – от Белоруссии до Хабаровска и Владивостока, запечатлённая глазами тогдашних детей, а ныне – жителей Забайкальского края преклонных серебряных лет.

Родилась эта книга весьма своевременно. Не только потому, что на пороге – 70-летие Великой Победы над коричневой чумой фашизма, поверженной в XX столетии. Ещё и потому, что носители этой чумы всё ярвственнее проявляются в новых своих, современных приверженцах: в неонацистах, бандеровцах, батальонах «правого сектора» и им подобных. С молчаливого согласия государственных структур некоторых стран они всё смелее и наглее маршируют по землям, густо политым кровью советских солдат, освободителей Европы...

«Фашизм не пройдёт!» – чётко и ясно провозгласили Россия и Белоруссия в Организации Объединённых Наций и инициировали принятие резолюции о недопустимости героизации нацизма. Против этой резолюции – представить только! – проголосовали Украина, США и Канада. А ряд стран, в том числе Германия (территория логова бывшего Третьего рейха), – воздержались...

Эти реалии призывают нас как можно шире распространять эту книгу. Сделать всё, чтобы о ней узнали не только в России, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Общеизвестно, что истина глаголет устами детей. Свидетельства этих мальчишек и девчонок, испытавших ужасы минувшей войны, должны напоминать ныне живущим: помните! Не забывайте тех бедствий, которые пережили маленькие очевидцы грозных страшных лет! Не позволяйте распространяться фашистской чуме, которая пробует сегодня нас на крепость, гражданскую зрелость, на умение противостоять злу и насилию.

Примите нашу книгу. Она – литературный колокол памяти детей войны, живущих за священным Байкалом. И одновременно – набат против беспамятства и святотатства новых бесноватых разрушителей так дорого доставшегося нам победного мира.

ГЕННАДИЙ БОГДАНОВ,
член Союза писателей России, координатор издания книги

*Январь 2015
Забайкальский край, г. Чита*

Учредительный съезд Общероссийской общественной организации «Дети войны». Делегат съезда от Забайкалья И.И. Леонтьев – крайний слева на переднем плане. Москва, 2012

**Уважаемая
Изида Павловна!**
В Международный день освобождения узников фашистских концлагерей выражаем Вам признательность за Вашу жизнь и честный труд.
Вам пришлось перенести много лишений, страданий, потерь, но, несмотря на все тяготы, Вы выстояли, получили профессию, много работали. Ваша биография - настоящий урок мужества для молодого поколения.
Глубокий земной Вам поклон.
Желаем крепкого здоровья, бодрости духа, душевного спокойствия.
Правления краевой и городской организаций «Дети войны»

Оловянинский детский сад.
Читинская область.
1941 год

Слово о России

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Что ты перенесла?
В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной крошечный ад,
Ложилась под танки
Со связками гранат;
В горящем самолёте
Бросалась с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливалась грудью
На вражий пулемёт,
Чтобы твои солдаты
Могли идти вперед...
Тебя морили мором
И жгли тебя огнём,
Землёю засыпали
На кладбище живьём;
Тебя травили газом,
Вздыхали на ножах,
Гвоздями прибывали
В немецких блиндажах...
Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,
И плавил металл;
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест, —
Сурово и достойно

Несла свой тяжкий крест...
Ты всё перетерпела,
Познала всё сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!
И, в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей!..
И он пришёл!
Победа Твоя недалеко:
За Тиссой, за Дунаем
Твои идут войска;
Твоё пылает знамя
Над склонами Карпат,
На Висле, под Варшавой
Твои костры горят;
Твои грохочут пушки
Над прусскою землей,
Огни твоих салютов
Всплывают над Москвой...
Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты — выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За всё, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Россия,
Родная наша мать!

Михаил Исаковский

Михаил Исаковский,
1944

Раздел I

В прифронтовой полосе

*...Мы не могли, одев шинели,
Своим отцам заменой стать:
В промёрзших классах мы сидели,
Учились в варежках писать ...*

Ю. Нефтин

АВТОРЫ ПЕРВОГО РАЗДЕЛА

БОГДАНОВА Алла Фёдоровна

БОЯРКИНА Надежда Ивановна

БУХВАЛОВ Виктор Владимирович

ВИКУЛОВА Раиса Алексеевна

ЖДАНОВА Татьяна Васильевна

КУЗНЕЦОВА Людмила Михайловна

МАТВИЕНКО Наталья Аркадьевна

МЕДВЕДЕВА Лидия Васильевна

МИХАЙЛОВА Людмила Степановна

МИШКИЛЕЕВА Галина Ильинична

СКОРИНА Светлана Григорьевна

«Знаю войну не по книгам...»

*Я родилась в 1936 году
в г. Балаклея Харьковской области.
В Забайкалье – с 1946-го.
В 1955 году, после окончания
десятилетки, поступила
в Читинский педагогический институт.
Получив профессию педагога,
трудилась в школах области.
Отличник народного образования РСФСР. Ветеран
труда.*

Мой отец был кадровым военным и с началом войны сразу ушёл на фронт. А мы с мамой несколько дней с трудом добирались до села Гряково Полтавской области, где жили её родители. Через несколько дней в село на мотоциклах въехали фашисты. Мне было пять с половиной лет. Помню, как расстреливали парней, которых немцы считали связными партизан, и много дней не разрешали хоронить их. На площади построили виселицу: там казнили всех, кто хоть как-нибудь проявлял недовольство режимом фашистов. А какие страшные были бомбёжки! Стоял грохот, плач людей, рёв животных. В одну из таких бомбёжек погибла моя бабушка.

Я знаю войну не по книгам и кинофильмам. Видела её своими детскими глазами – страшную, беспощадную, жестокую. Поэтому я так тяжело переживала войны в Афганистане, в Чечне (первую и вторую), где гибли наши ребята. А когда увидела по телевизору события в Беслане, мне стало очень плохо – вызывали мне врача.

В сорок четвёртом Украина была освобождена. В июле 1945 года часть советских войск перебросили из Чехословакии на восток – «для разборки с Японией», как выражались бойцы. Так мой папа оказался в Забайкалье. А в сорок шестом он забрал нас с Украины.

Мне было десять лет. Я не знала русского языка; учительница занималась со мной ежедневно, и через два месяца я уже свободно разговаривала. В 1955 году окончила десять классов и поступила в Читинский педагогический институт. В 1956 году папу вместе с полком (он был командиром 223-го танкового полка; служил на 76-м разъезде – сейчас это станция Мирная) перевели в Киевский военный округ. Так мои родители снова оказались на Украине, а я, окончив институт, осталась здесь и начала работать. Прикипела к Забайкалью и живу здесь более шестидесяти пяти лет.

С фашистами воевала вся наша страна – Советский Союз. До сих пор не могу смириться, что родилась я в одной стране, а живу в другой. Не могу смириться с тем, что мои родители похоронены в другой стране и навестить их могилку нет возможности. Горжусь, что жила в СССР. Очень жаль, что мы не сберегли свою страну. А вопрос о «детях войны» нужно решать на федеральном уровне, никого не обижая. Так будет справедливо.

Январь 2013

*Забайкальский край,
пос. Могзон Хилокского района*

«Бежали, спасаясь от бомбёжки...»

Родилась я 30 сентября 1941 г. под Сталинградом. В Забайкалье живу уже почти пятьдесят лет. Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н.Г. Чернышевского. Работала учителем русского языка и литературы. Сейчас на пенсии, но занимаюсь общественной работой, участвую в конкурсах по благоустройству города. Администрация Центрального района отмечала меня грамотами. В 2011 году стала лауреатом конкурса «Социальная звезда».

В моей памяти сохранился эпизод, когда мы с мамой и старшей сестрой вместе с другими бежали, спасаясь от бомбёжки. Люди кричали от ужаса, плакали дети. Но где это было – не знаю.

Ощущение голода во время войны и после помнится хорошо. Как питались наши родные, понять можно. Они старались в первую очередь накормить нас, детей. Им самим оставалось ли что-нибудь, – вряд ли, если и мы всегда были голодные.

Спасала нас земля, природа. С наступлением весны и до поздней осени мы ели какую-то траву, цвет шиповника, копали корни, ели молодой рогоз, дикие яблочки. Конечно, так хотелось хоть немного хлеба. На праздник нам, детям, давали по два рубля. Я бежала в магазин, покупала конфеты-«подушечки», и это было настоящее наслаждение. Вскоре мама вместе с нами переехала к своим родителям, у них была корова, огород. Как и все дети сельской местности, я собирала колоски на жнивье. Когда же родители, спасая нас от голода, переехали в южный Казахстан, помню, как нас возили на хлопковые поля. Помогали мы в уборке хлопка.

Война затронула каждую семью. Мой отец, Иван Алексеевич Зубарь, ушёл в армию до

войны, а пришёл только в 1946 году. Его старший брат Пётр дошёл до Берлина, а сестра Нина воевала, вернулась в чине капитана, после войны работала в органах КГБ. Недавно я узнала, что была на фронте ещё одна сестра отца – Анастасия. Мамин брат, Фёдор Фёдорович Тищенко пропал без вести на Ленинградском фронте. Брат дедушки, Григорий Павлович Тищенко, служил в Забайкалье; ушёл на фронт и не вернулся.

К сожалению, я редко езжу на свою родину. Но когда приезжаю, в первую очередь иду на Мамаев курган. Прохожу эти исторические две ступени лестницы, и меня всегда охватывает волнение, гордость за наших людей, которые своей отвагой и героизмом переломили ход войны, не отступили перед врагом, не пустили его к Волге. Долго стою перед монументами, вечным огнем. Спасибо всем, кто лежит там и кто ещё жив.

У меня большая и дружная семья: четверо детей, два внука, правнук и правнучка, невестки, зять. Стараемся помогать и поддерживать друг друга.

Январь 2013

Забайкальский край,
г. Чита

Виктор Бухвалов

«Фашисты воевали и со мной...»

Я – коренной читинец. Родился 8 ноября 1931 г. в семье железнодорожников. Подростком вместе с родителями находился в прифронтовой полосе в Белоруссии. Окончив семилетку в Чите, поступил в мореходное училище Николаевска-на-Амуре. Трудился на кораблях и буксирах в Находке. В Чите призывался на службу. Был комиссован. Окончив учёбу в Читинском железнодорожном техникуме, 45 лет трудился на железной дороге электромехаником. Ветеран труда.

Весть о нападении фашистов на Советский Союз я узнал от отца, Владимира Петровича Бухвалова. Он спешил к нам с этой вестью, приехав на дачу за Ингоду на велосипеде. Эти дачи принадлежали Управлению Забайкальской железной дороги, где работал мой отец. Мы и раньше отдыхали на этих дачах вместе с бабушкой и мамой. Теперь же, собрав пожитки, мы на лошади с телегой возвращались домой, в город. Кругом было пустынно. Многие магазины уже не работали. Бабушка, Дарья Матвеевна, позднее долго сетовала на то, что в дачном киоске, где были все продукты, мы не сделали запас. Кто знал, что война продлится четыре года...

В 1942 году отца перевели начальником отделения ст. Шилка. Первая страшная весть 1943 года: погиб на фронте младший брат отца – Павлик. Он учился в горном техникуме в Кабардино-Балкарии. Бабушка плакала дни и ночи. Этот плач был похож на непрерывный стон. Я как мог утешал бабушку: может, это ошибка, бывает и такое... Рассказывал, а скорее выдумывал случаи, когда похоронки приходили на живых. Но в том же 1943 году приехал израненный боец, лечившийся в Иркутске, и рассказал, что сам видел, как машину, в которой находился Павлик (а был он политруком), – в пропасть столкнул немецкий танк.

В начале 1944 года отца направляют на фронт начальником 31-го Военно-эксплуатационного отделения, сокращенно – ВЭО. Это 15 000 человек специалистов.

Вагоны-теплушки, вагон-штаб, вагон-лазарет, баня, пекарня, платформы со строением пути и другие. По сути, это – отделение железной дороги на колёсах. Об этом я узнал позже, летом 1944 года, когда мы по вызову отца приехали в Белоруссию. А до этого я учился в Чите. Мама, Анна Павловна Бухвалова, работала в Управлении Забайкальской железной дороги. В Белоруссии я почувствовал, что такое голод. 800 граммов хлеба на двоих (хлеб мы с мамой делили на двоих) – и больше ничего, кроме кипятка. Остальные карточки не отоваривались, то есть жиры и сахар никто не получал. Поезд (ВЭО-31) двигался вслед за фронтом.

Бомбёжки меня не пугали. Оповещение было отличное, и «комуколки» (так называли скорострельные пушки, стоявшие неподалёку от поезда) отгоняли немецкие бомбардировщики. Но станции всё равно горели, и снова нужно было всё восстанавливать. Я и несколько служащих, в том числе и моя мама, бомбёжки переживали в немецких же бомбоубежищах, – кроме Слуцка, где поезд был отведен по проложенным путям к ближайшему хутору. Тут прятаться приходилось в подвалах у хуторян. Крыши вагонов после бомбёжек были в дырах. Их каждый раз «латали». Вагон, поставленный на нашу колею, был немецким, с балконом. Вот так я и катался вслед за фронтом до самого 1945 года. Пытался в Гомеле ходить в школу. Учился очень плохо, так как все учебники, кроме учебника русского языка и литературы, были на белорусском языке. Окна в шко-

ле были забиты фанерой. Учились при свете от гильзы снаряда с фитилем. Гильза, запропавшая соляркой, нещадно чадила.

В ВЭО (так буду называть наш поезд) я, тринадцатилетний пацан, конечно же, мешал всем. То меня интересовала техника у водителей, то я занимался на балконе вагона разведением кроликов, подаренных мне хозяйкой одного хутора. Много времени проводил у сапожников. В сапожной мастерской, тоже в вагоне, были два парня. Я им помогал чинить обувь или делать гвозди из берёзовых чурочек. Выходило у меня, конечно, плохо, но отец поощрял меня за этот труд.

Оружия всякого было полно, и мы с ребятами, взяв немецкую короткоствольную винтовку, ходили в старые окопы пострелять. Однажды, после того как мы расстреляли консервную

банку, сапожники отправили меня в поле, где мы раньше заметили целые полки с «консервными» банками, чтобы я принес целую банку. Я снял банку с полки и пошёл к окопам, где меня ждали ребята. За мной с руганью побежал солдат и отобрал у меня эту банку. Оказывается, это поле было ещё не разминировано, а полки с банками – это были мины, а не консервы...

Другой случай. Эти же ребята пригласили меня помочь вскрыть полусгоревший вагон, с которого стекал шоколад. Вооружившись железяками, сапожники Миша и Лёша стали открывать дверь вагона. Я тянул с другой стороны, и дверь «поехала». Моя левая рука была зажата. Крики, кровь!.. Меня увезли в санитарную часть. Следовало гипс наложить, а я с перевязанной рукой ходил два месяца. И ещё, дурачок, гордился, что раненый. А в связи с этим «ранением» я не смог стать профессиональным музыкантом, о чём мечтал с детства.

Весной 1945 года наш передвижной поезд возвратили в Читу. Отец отбыл на Восточный фронт. Я окончил семь классов в 1947 году. Поехал в Одессу поступать в мореходное училище. Тогда все мальчишки грезили морем или небом. В училище я не прошёл по конкурсу. Свою мечту я осуществил год спустя, поступив в мореходное училище в Николаевске-на-Амуре. В 1948 году нас перебазировали на Южный Сахалин – в Холмск, бывший Тити-Маока (Северная Маока). Детство моё закончилось, началась новая жизнь, полная приключений, радости, горя, печали, разлук. Но это моя жизнь, и другой мне не надо.

Когда меня спрашивают молодые люди: «Ты, дед, с фашистами воевал?» – я отвечаю, что с фашистами не воевал, но фашисты со мной воевали...

Январь 2014

Забайкальский край,
г. Чита

Раиса Викулова

«Мама родила братишку в лесу...»

Родилась я 30 октября 1931 г. Мои родители прибыли в Забайкалье – в село Усть-Иля Акишинского района по переселению в 1935 году. Великая Отечественная настигла их в Воронежской области, где они оказались проездом.

Мой отец в 40-е годы стал часто болеть (у него было проникающее ранение правого лёгкого) и врачи посоветовали ему поменять место жительства. «Лучше на Чёрное море», – предлагали специалисты. И вот они поехали. Родители решили по пути заехать на свою родину, в Воронежскую область. А через неделю началась война. И они так и остались в Воронежской области, в колхозе «Сталинская Конституция» Павловского района. Отца назначили директором молочно-мясного совхоза им. Н.К. Крупской. Немцы наступали быстрыми темпами. И в 1942 году пришёл приказ: срочно эвакуировать скот, начиная от овец до крупного рогатого скота. Дали на сборы 24 часа. Мама была беременной и родила братишку в лесу, роды принимал отец. В пути были четыре месяца, гнали скот по двадцать пять километров в день – вроде в сторону Пензенской области. После того как пригнали скот, отец сдал его, а сам отправился на передовую.

Во время этой многодневной эвакуации наша семья не раз попадала под бомбёжки. Скот перегоняли ночью, так как днём немцы бомбили города и станции, на которых останавливались поезда и формировались наши части на фронт. Однажды ночью – только-только скот перегнали в лошину, чтобы покормить, – прилетела «рама» и сбросила листовки. Затем появились самолёты и стали бомбить станцию. Выбросили десант парашютистов, и началась бойня. Много людей там погибло. Когда же окольными путями мы приблизились к реке, то увидели, как плыли пароходы с ранеными солдатами. Они плыли с включёнными сиренами. И всё же их топили... С речной пристани раненых везли на телегах, несли на руках. Сколько было крови, стонов и просьб: «Потерпи, браток!» Я и сейчас помню тот звук сирены... В 1943 году немцев выбили из меловых гор, и они стали отступать. Немец был от нашей деревни в трёх кило-

метрах, на другом берегу Дона. А здесь все дома были сожжены. Люди копали землянки, работали, не покладая рук. Пахали на коровах. 1943 год был голодный, холодный. Выехали мы со скотом летом, а вернулись домой зимой. В доме было пусто и холодно. Приходилось ходить по родственникам, они делились с нами своими крохами. Старший брат умудрился ловить зайцев. А как мы радовались, когда отелилась корова! Кормили мы её соломой, изъеденной мышами, – запаривали.

Вскоре пришла похоронка на отца. Весной 1944 года мы все копали огород, нашли мёрзлую картошку. Мать делала из неё лепешки. Мы, дети, работали наравне со взрослыми: копали картошку, убирали урожай сахарной свёклы. Летом пололи поля вручную, собирали головню и клопов с колосков. Домой придёшь, а руки пахнут клопами и головнёй.

К великой нашей радости, в 1945 году пришло письмо от отца. Он, оказывается, не погиб. Его нашли в воронке, он был контужен.

В 1947 году родители поехали опять в Забайкалье. Продали всё, что можно было, и двинули в путь. Я училась в кенонской школе в Чите и работала уборщицей-истопником. Уроки делала до двух часов ночи, а утром – опять в школу.

В 1951 году поступила в Читинское медицинское училище. После его окончания в 1955 году была направлена в Нерчинск. Здесь проработала по специальности тридцать восемь лет. Вышла замуж, воспитали с мужем двух дочерей, которые подарили нам внуков и правнуков.

Всё не так уж и плохо. Но до сих пор помнится пережитое в детстве. И невозможно даже представить, чтобы такое бедствие, какое выпало на нашу долю, где-нибудь когда-нибудь повторилось.

Сентябрь 2013

Забайкальский край, г. Нерчинск

«Берег левый, берег правый...»

Родилась я 4 сентября 1935 г. в селе Больше-Казинка Воронежской области, в семье Василия Фёдоровича и Анастасии Павловны Горбачёвых. Здесь, на левом берегу Дона, и застала меня война. В послевоенные годы обучалась в Павловском педагогическом училище. Окончив его, по направлению прибыла работать в Читинскую область. Это был 1954 год... Здесь обрела семью, вырастила двух дочерей. Инвалид второй группы.

Село наше находилось на левой стороне реки Дон. Мои родители работали в колхозе. С началом войны отец ушёл на фронт. На нашем берегу стояли советские войска, а правый берег Дона был занят немцами. Тот берег реки был возвышенным, гористым. Немцам было удобно наблюдать и обстреливать село. Во время обстрелов дети и старики спасались в окопах и блиндажах. А женщины работали в поле, так как до прихода немцев не успели убрать хлеб. Ползком жали серпами рожь, пшеницу. Только так спасались от пуль, свистевших над полем.

Еду готовили по ночам. Печки топили соломой, чтобы не было видно дыма. Окна закрывали покрывалами, потому что малейший свет из окна или дымок из трубы привлекал снаряд с немецкой стороны реки. Однажды снаряд упал в трёх метрах от нашего дома, но дом уцелел.

Осенью 1942 года детей и стариков эвакуировали – от Дона за сто километров, а трудоспособные женщины остались работать. Помню, мама запрягла корову и перевезла нас с бабушкой. Перед отъездом все свои вещички, посуду мы закопали в землю, чтобы хоть что-то сохранить. Бабушка привезла с собой полмешка сухарей (сушили ещё до войны). Хозяева дома отвели нам комнату, в которой поселили три семьи. Мы поселились с родственниками. Нас было шесть человек, спали все на полу. Бабуш-

ка и тётя сразу же вышли на работу в местный колхоз, чтобы заработать трудодни. Когда хозяйка пекли в печке картошку или свёклу, в нашу комнату доносился аромат еды. Нам, голодным, тяжело было переносить этот запах. И наша бабушка выменивала у них на сухарики картошку или свёклу.

Село Больше-Казинку наши войска отстояли, не сдали немцам, хотя немцы неоднократно пытались форсировать Дон. Но их атаки успешно отбивались. Основные силы немцев были направлены на Воронеж. Город был весь в руинах. Весной 1943 года мы вернулись из эвакуации. В домах были выбиты стёкла. Часть домов вовсе разрушена. От нашей двухэтажной школы, красовавшейся в центре села, остались развалины.

Наступил голод. Собирали на полях мёрзлую картошку. Хлеб пекли из молотых желудей. У кого сохранилась кукуруза, добавляли кукурузную муку.

В 1944 году вернулся с фронта отец, раненый и больной туберкулезом. Он долго лечился в госпитале, но в 1946 году умер от ран. Мама осталась с двумя детьми, младшей сестрёнке Тамаре был всего годик.

Возвращались с фронта мужчины. Потихоньку стали восстанавливать дела в колхозе, где продолжала работать наша мама. Несмотря на все трудности жизни, я окончила Павловское

училище и в 1954 году по распределению приехала работать в Читинскую область.

В 1955 году вышла замуж. Воспитали с мужем двух дочерей. Но в 1976 году, когда дочки ещё учились в институтах, муж скоропостижно умер. Пришлось «доучивать» их одной.

У меня четыре внука и пять правнуков. Радоваться бы. Но тяжелые военные годы

отразились на моём здоровье. У меня инвалидность второй группы.

Молодому поколению желаю уважительно относиться к старшим, быть честными, трудолюбивыми и беречь свою Родину.

Январь 2014

Забайкальский край,
г. Чита

Людмила Кузнецова

«Горела лампа в одном сельсовете...»

Родилась я 14 января 1934 г. в г. Арзамас, в Поволжье. После войны окончила Арзамасский техникум советской торговли. Трудилась в Киргизии, затем в Краснокаменске Читинской области – инженером-комплектатором Приаргунского горно-химического объединения. Общий трудовой стаж – 47 лет. Отмечена медалью «Ветеран атомной промышленности».

Война застала нас в Арзамасе (Горьковская область). В семье нас было пятеро: отец, мать, два брата и я. Отец инженерно-технический работник, мать работала на элеваторе, отвечала за хранение продовольственных товаров госрезерва. В 1942 году отец ушел добровольцем на фронт, был ранен (оторвало правую руку), вернулся с войны и был направлен председателем колхоза в Дивеевский район Горьковской области. Там мы и жили с 1943 года. Голодали. Земли было 20 соток, но засеять или посадить картошку было нечем. Потом кое-как стали сажать картофельные очистки и развели картофель, но это уже ближе к концу войны. Собирали на колхозных полях (после уборки урожая) гнилой картофель, колоски, ели жмых. Его получали для корма животных на фермах, чтобы не было падежа. Дети, в том числе и я, возили на колхозные поля на санках навоз, который собирали по домам, вязали варежки, носки для бойцов. Мы шили для них и

рукавицы из старых полушубков, а ниток не было. Распускали половики и шили этими нитками. Нас для шитья собирали в сельском Совете, в единственной избе, где горела лампа, потому что нигде и ни у кого не было керосина.

Носили снопы во время уборки урожая к комбайну. Сгребали солому, сено. До поздней осени убирали картофель в колхозе в лаптях, другой обуви не было. Дети, подростки и бабушки. Вот этими силами убирали урожай.

Уже после войны я окончила Арзамасский техникум советской торговли и была направлена по распределению в Киргизию.

Пожелание молодым: учиться, работать, тогда будет и дисциплина и стремление к лучшей жизни, а не прожигать её за пивом и наркотиками. Родители счастливы только тогда, когда благополучны их дети.

Март 2014

Забайкальский край,
г. Чита

Наталья Матвиенко

«Под устрашающими налётами»

Родилась я в сентябре 1930 года на Алтае. В те же довоенные годы отец перевёз семью в Читу, где ранее был на заработках. После окончания вечерней школы я поступила ученицей в Читинский радиоцентр. Было это в 1947 году; с тех пор связистом проработала сорок лет. Имею звание «Ударник коммунистического труда», отмечена медалью «Ветеран труда».

Семья наша большая. Жили очень бедно. Было даже так, что моя мама, Александра Матвеевна Щербакова, меня и сестрёнку постарше на время сдавала в детский дом, чтобы спасти нас от голода.

В 1934 году отец, Аркадий Григорьевич Щербаков, уехал на заработки в Читу. Позже увёз в Забайкалье семью. Я болела; диагноз долго не могли поставить. Позже выяснилось, что у меня травма позвоночника. В августе 1939 года по путёвке, выделенной мне Читинским горздравотделом, меня увезли в костнотуберкулёзный санаторий в город Евпаторию. И почти на два года мне были прописаны гипсовая кровать и постельный режим.

Война застала меня в этом санатории. О ней мы узнали из сообщений по радио. Начались налёты фашистских самолётов. Санаторий не бомбили, но устрашающие налёты были постоянно. Детей в срочном порядке начали поднимать из кроваток и учить ходить на костылях. Вывезли нас из Крыма в конце 1941 года. Ещё год я лечилась на Кавказе. Домой меня привезли только в 1943 году.

Помню, как мы в Чите ходили в госпиталь: выступали перед ранеными, ухаживали за ними, писали под их диктовку письма.

Доучиваться мне пришлось в вечерней школе. В 1947 году поступила ученицей в Читинский радиоцентр. Сдала экзамены – присвоили второй класс. Сразу начала работать на связи с Москвой. Освоила азбуку Морзе, телетайп и всю тогдашнюю аппаратуру. Связистом проработала сорок лет. Последние десять лет была

Крым, Евпатория, костно-туберкулёзный санаторий, 1941 г.

заместителем начальника отделения по электросвязи.

С 1984 года я на заслуженном отдыхе. Все мои радости – от семьи. С мужем прожила в любви и согласии шестьдесят четыре года. Сын подарил внука. У нас уже два правнука.

Март 2014
Забайкальский край,
г. Чита

Лидия Медведева

«За хлебушек даже золотые колечки отдавали...»

*Родилась я 5 сентября 1936 года в Кирове.
Мои родители: отец – Василий Васильевич Метелёв,
мама – Елена Кузьминична Петухова.
Окончила Барнаульский строительный техникум.
Работала инженером-сметчиком в одном из управлений –
в воинской части в Алейске (Алтайский край).
Общий стаж работы – 41 год.
Ветеран труда.*

Детство моё только началось, да и, видно, кончилось. Помнится почему-то, как меня торпливо одевают в зимнюю одежду и валенки, хотя было лето. Выбегаем на улицу, сирена, ничего для меня понятного нет, мне шёл пятый год. А это и было началом войны. Весть о начале войны застала нас в Горьковской (Нижегородской) области, город Семёнов, в шестидесяти километрах от города Горький.

В начале войны немецкая авиация летала далеко, а в Семёнове дислоцировался наш военный госпиталь. Зенитки в два ряда окружали его и защищали. Звук «мессершмиттов» помнится до сих пор. Маму определили принимать раненых из эшелонов, которые прибывали с фронта. Там она работала всю войну. Я находилась в садике, маму видела только ночами и то редко. Отец воевал. Офицер-майор, 1912 года рождения. Имел боевой опыт. Был на финской войне.

Война вдруг, в одну секунду, делает ребёнка взрослым человеком. Тебе не страшна бомбёжка, треск зениток, холодный садик, плохая еда. У меня определили гельминтоз. Глисты шли через носоглотку. Давали мне пить настой цитварного семени и английскую соль. Тайком иногда я бывала в госпитале, в его кладовке. Скрытно, потому что исправно работал военный трибунал. За то, что кормят ребёнка, могла пострадать моя мама. Ведь это кусок, отнятый от раненых! Вот эта тихая, секретная обстановка сдела-

ла меня не ласковым, а строгим ребёнком, который сам, с детства умел справляться со своими задачами. Позднее всё это пригодилось мне и в мирной жизни: выдерживать удары судьбы. Началась школа. Детям фронтовиков к Новому году давали подарки. Помню, все на празднике были в зимней одежде, а я в платице. Танцую и пою:

На заборе птичка сидела
И такую песенку пела:
Несмотря на рваные ботинки,
Я танцую танец «Кабардинка».

1943 год. Я уже взрослая, мне семь лет. Иду по улице, навстречу учительница моя, Полина Савельевна с военным человеком. Обращается ко мне: «Лидочка, ты этого человека знаешь?» Отвечаю: «Нет». Мужчина улыбнулся, и тут я узнала отца. До сих пор не знаю: был ли у него отпуск, или он, может, был после ранения? Недолго с нами пробыл и снова – на фронт. Дошёл он до Берлина.

А у нас начался голод. Есть было нечего. За хлебушек даже золотые колечки отдавали. Спекулянты пользовались ситуацией.

Дома стало чуть светлее от того, что убраны были чёрные суконные шторы для светомаскировки. Но души у людей никак не могли посветлеть и потеплеть. Потому что они получали похоронок. Судьбы людей менялись. Многие не

дождались мужей, отцов. А бывало, семьи распались – как у нас: мой отец завёл новую семью в Риге.

Позднее у меня появился отчим. Он и увез нас с мамой на Алтай, где лучше жизнь не была. Добирались мы десять суток на «500-весёлом поезде», то есть на товарняке с полками из досок. Дорогой всё продавали из одежды, чтобы что-то поесть. А на Алтае (город Барнаул) дети в очереди стояли по 15 суток, чтобы получить буханку хлеба...

Но день Победы я встретила ещё в Семёнове. Увидела, что на улице народ столпился у столбов с радиорепродуктором. Обнимаются все, плачут. Всеобщее настроение передалось и мне...

Отчим воевал, был участником битвы под

Москвой. Получил ранение, мучился заболеванием костей (остеомиелит). Кричал! Никаких льгот, кроме медалей, что у мамы, что у отчима не было. Только много работали и нуждались в жилье. Одну зиму даже в землянке жили.

Тема войны – это гвоздь всей моей жизни. Детских песен в моей биографии не было, зато все военные песни знала наизусть, и сейчас люблю их. Родители мои умерли рано. Пришлось карабкаться в жизни одной. За родителями мне не пришлось ухаживать. Поэтому теперь отдаю дань забайкальским ветеранам войны и труда – вот уже пятнадцать лет. Дай им Бог, оставшимся в живых, подольше пожить и поменьше болеть.

Июль 2014

Забайкальский край,
г. Чита

Людмила Михайлова

«Помню, как Харьков бомбили...»

Родилась я 22 февраля 1935 года в с. Кош-Агач Горно-Алтайской автономной области. В 1942 г., в порядке эвакуации, из Харькова прибыла с семьей в Читу. После окончания Читинского железнодорожного техникума работала в Государственном банке, затем комсомольская и партийная работа. После реорганизации райкома КПСС тридцать один год трудилась в сберегательном банке: десять лет главным бухгалтером и двадцать один год – управляющей. Награждена орденом «Знак Почёта», медалями «За заслуги перед Читинской областью», «Ветеран труда», имею знак «Отличник Госбанка». В течение двенадцати лет избиралась депутатом районного Совета. Общественной работой занималась с 1954 года. Член КПСС с 1962 года. С 1999 года являюсь секретарём отделения КППРФ Карымского района.

Мой отец, Степан Васильевич Попов, 1908 года рождения, принимал участие в финской войне. Перед Великой Отечественной войной он учился в Харьковском военном танковом училище. 22 июня 1941 года он вместе с курсантами училища ушёл на фронт. Колонной, строем, с песнями они уходили защищать страну. Был отец на фронте политруком. Погиб 9 января 1942 года, защищая Москву. Похоронен в деревне Барутино Калининской области (это в стороне от Волоколамского шоссе).

В 1957 году по решению исполкома Останковского городского Совета депутатов трудящихся было произведено перезахоронение погибших советских воинов из одиночных могил в братские. Фамилия папы занесена в Альбом Памяти погибших, который находится в городском военкомате и городском отделе культуры, а также в списки Машугиногорского сельского Совета.

Мама, Мария Васильевна Попова, 1909 года рождения, занималась воспитанием нас, троих

Раздел I. В прифронтовой полосе

детей. У меня было два брата: Виктор, 1937 года рождения, и Валерий, 1939 года рождения.

Помню, как бомбили Харьков и другие города. Даже помню звук самолётов, гружённых снарядами. Несколько раз в день объявляли «воздушную тревогу», и мы, жители многоквартирных домов, бежали в подвалы, бомбоубежище, и там находились несколько часов. И не один раз в день. Когда выходили из подвалов и бомбоубежищ, видели, как на носилках уносили убитых и раненых – тех, кто не успел укрыться.

В одну из бомбёжек в толпе у нас потерялся четырёхлетний брат Валерка. Он оказался в другом убежище. Было передано по громкоговорителю объявление: «Потерялся мальчик в бескозырке из такого-то дома...» После окончания тревоги нам его привели – принесли.

Запомнилось, как люди стояли в очередях в магазинах, киосках после бомбежки. Но как только раздавался сигнал тревоги, все бросались врассыпную. Гражданская оборона работала на должном уровне. За нами следили, где мы укрылись. Однажды мы не успели убежать, так нас в квартире накрыли брезентом.

Маме выдали документы на эвакуацию в Читу 23 августа 1941 года. Но грузили, вывозили нас в товарных вагонах позднее. Вагоны отапливались «буржуйками». Наш и другие составы подолгу стояли в тупиках, потому что немцы бомбили железную дорогу, поезда. Помню светомаскировку. Довезли нас до Новосибирска, а дальше на восток не пропускают. Читинская область была ЗП – запретной зоной. Мама нас везла к родителям папы, он писал в письме, что поскольку война принимает «затяжной характер, то тебе легче будет растить детей с моими родителями». Только через полгода в Новосибирске выдали пропуск, и мы приехали к бабушке на станцию Ингода Читинского района. А затем нам купили избушку на станции Карымской, где мы жили и учились.

Брат Виктор окончил Томский университет им. Куйбышева, был кандидатом физико-

математических наук, доцентом кафедры сопротивления материалов, преподавал в университете, который окончил. Умер в 2003 году.

Брат Валерий работал в Томске на химкомбинате. Его также уже нет в живых.

Мамин брат Василий Васильевич Попов провёл все годы войны. Победа застала его во Ржеве. После войны в звании полковника служил в Забайкалье – в Песчанке, затем в Минске, где проживает и в настоящее время.

Трудности были и у меня, так же, как и у всех детей войны. Недостаток питания заставлял нас, детей, собирать колоски, мёрзлую картошку. Из овсяной лузги варили кисель. Выставляли очереди за хлебом по карточкам. Но мы были окружены теплом и заботой со стороны родственников. Нас подкармливали, нам давали копейки в кино. Устраивали в пионерские лагеря, брали к себе на каникулы.

В настоящее время я овдовела, проживаю одна. Занимаюсь общественной работой в районном совете ветеранов войны и труда, участвую в партийной работе.

Не согласна с современной экономической политикой: распродажей земли, безработицей, платным образованием и медицинским обслуживанием. «Денежные мешки» за народ никогда радеть не будут. Ни местные, ни краевые власти население не слышат и не решают вопросы в его пользу. Унижают пенсионеров. Телевидение развращает и разлагает общество, способствует потере нравственных ценностей.

Общество разделено, исчезла доброта. Людям трудно стало разъяснять и раскрывать глаза.

Мои пожелания молодёжи: добиваться справедливости, бороться за свои права, добиваться изменения экономической политики и внимательно изучать программу КПРФ.

Май 2014

*Забайкальский край,
ст. Карымская*

«Немцы искали тёплые вещи...»

*Родилась я 8 января 1933 года в Ельце Орловской области (ныне территория Липецкой области).
Профессия – учитель русского языка и литературы.
Трудилась в читинской средней школе № 10.
Педагогический стаж – 40 лет. Ветеран труда.
Отличник народного образования.*

Город наш тогда был небольшой, но уютный, зелёный город-сад. До революции Елец был купеческим городом. Каждый купец строил церковь, поэтому в сравнительно небольшом городке было тридцать три церкви и очень красивый большой собор. В мою бытность церкви не работали. Открыта была только церковь на кладбище.

В семье я была одна. Отец, Илья Емельянович Назаров, работал агрономом. Он погиб в сентябре 1941 года на фронте. Мама, Глафира Сергеевна Назарова, трудилась на почте. В 1940 году я пошла в школу, но учёба продолжалась недолго. По-моему, к ноябрю 1941 года война приблизилась к нашему городу. Было тревожно, даже жутко. В конце декабря 1941 года немцы вошли в город. Пробыли они у нас дня четыре или пять. Началось наступление нашей армии, и погнали фашистов до самого Воронежа.

Что запомнилось мне из того времени?

Первый день оккупации. В доме была русская печка. К нам пришла соседка с тремя детьми. Её муж, машинист, увёл состав, а она с детьми осталась. Так вот матери посадили нас – меня, мою подругу Зою и её младшего брата, 1936 года рождения, по краю печки, а за нами прижалась к задней стене старшая дочь тёти Ани – Людмила, она с 1927 года рождения. Она была хорошенькая-прехорошенькая, – вот тётя Аня её и прятала, а мы собой закрывали её. Между печкой и стеной стояла кровать, и на ней сидели взрослые: моя мама, тётя Аня, мамина сестра Нина.

Сначала к нам пришли два немца, замёрзшие-

перемерзшие (был сильный мороз). На головах пилотки, натянутые на уши, и лёгкие шинели. Вошли на кухню, где мы сидели, и сразу кинулись к кастрюлькам, искали, чего бы поесть, – кастрюли были пустые. Потом пошли в комнату, там на сундуке лежала бабушка – 71 год. Они показали, чтоб она встала. И стали рыться в сундуке. Хорошего там ничего не было. Они искали тёплые вещи. Взяли старые вязаные шерстяные носки, рукавицы и ушли. Потом заходили ещё по два человека и по одному. Всё искали теплые вещи и поесть. Взяли всё, что нашли в буфете, в кладовке. Нас не трогали.

Запомнился мне один немец с золотым зубом. Он вошел, посмотрел на нас, детей, и плюнул. Наши матери почему-то решили, что чем грязнее мы будем, тем лучше, потому мы не мылись, не причёсывались, не переодевались, сидели грязные, косматые. Вот немец и плюнул на нас. Потом мальчишки прибежали к нам и сказали, что немец с золотым зубом лежит убитый на углу улицы – это начался первый бой. Запомнила разговоры взрослых. Они говорили, что вот уйдут передовые части – и придут другие немцы, в чёрных мундирах, эсэсовцы, злые и жестокие. Все боялись их.

Началось наступление нашей армии; город был освобождён, так что немцев в чёрной форме мы не видели. Елец – важный железнодорожный узел, он связывает Москву с югом, со Сталинградом, поэтому сразу после освобождения начались бомбёжки. Бомбили в основном железную дорогу, мосты через речку, но попадало и городу. Прилетали самолёты часов в 10 вечера, по

Раздел I. В прифронтовой полосе

двадцать и более машин, – и начинался ужас, ад. Не дай Бог, чтоб такое снова повторилось! Сначала мы бегали в подвалы под церквями (были убеждены, что церкви немцы не будут бомбить). Потом всех охватила какая-то апатия, и мы не стали никуда бегать, а спускались в свои погреба и ждали конца бомбёжки. Недалеко от дома упали две бомбы, прямым попаданием были разрушены дома, погибли люди, а нас в погребе здорово потрянуло. Боялись, что засыплет землёй, – обошлось. Бабушка вообще никуда не ходила. Когда начинали бомбить, она залезала под перину, сверху ещё клала подушки. Считалось почему-то, что перья не пропустят осколки...

Летом 1942 года я сильно заболела, и мама со мной уехала в село – на родину отца. Село было большое, районное – в шестидесяти километрах от Воронежа, и считалось прифронтовым. Все учреждения были эвакуированы, дома стояли пустые, раскрытые; разрушен сахарный завод. Мы, дети, и там по мере сил работали. Однажды пололи просо, а над нами шёл воздушный бой. Два самолёта то сближались, то расходились, слышалась пулемётная стрельба. Потом самолёты разлетелись в разные стороны.

Собирали мы колоски во время уборки урожая. Колоски сдавали в школу, там их молотили, мололи. Когда мы пришли в школу 1 сентября, нас весь учебный год кормили клёцками. Еда эта представляла собой киселеобразную мучную массу, в которой попадались комочки теста. На большой перемене все хватали миски, ложки и мчались в столовую. С аппетитом поедали эту массу, ведь она была горячая и солёная. Для некоторых ребят это была единственная пища за весь день.

В 1944 году вернулись мы в Елец, и начался голод. Мама ездила по деревням, меняла вещи на картошку. Вещи скоро кончились, и наступил настоящий голод. Жили тем, что давали по карточкам и могли купить на мамины гроши. Варили суп из лебеды и крапивы. На почве голода я заболела туберкулёзом. Мне повезло: мама до-

стала на всё лето путёвку в школьный лагерь, там нас кормили и лечили.

Мне запомнился день Победы. Рано утром, когда все спали, вдруг заговорило радио, и мы узнали великую радость. Все выбежали на улицу, плакали, обнимались. Поздравляли друг друга совсем незнакомые люди. Мы, дети, бегали по улицам, стучали в окна и кричали: «Победа! Победа!»

Уже в конце 1945 года бойцы возвращались домой. Пионервожатая организовала отряд, чтобы идти встречать героев. Мы пришли на вокзал, народу было очень много, все ждали поезд. Вот он подошёл. В раскрытых дверях товарных вагонов стояли солдаты. Заиграл оркестр, и вдруг раздался ужасный детский крик. Это кричала одна из наших девочек. Она билась в истерике, еле выговаривала, что своего папу она никогда не встретит, потому что он погиб. Вожатая быстро собрала нас и увела с вокзала. Больше мы никогда не ходили на такие встречи.

В начале 1946 года мы уехали в Москву к маминной сестре. В Москве легче было прожить. На рынках тайно продавали продуктовые карточки, и мама к своим карточкам покупала рабочую карточку. Она хорошо отоваривалась.

Из послевоенной жизни мне памятен 1947 год. Отменили карточки! Возвращаясь из школы, зашла в булочную. Полки ломились от хлеба. Купила буханку серого хлеба, его называли пеклёванным. Прихожу домой – на столе хлеб, купила мама. Тётя Таня зашла к нам – и тоже с хлебом. Как мы ели его! Мама налила в блюдечко подсолнечное масло, мы макали хлеб и ели. Кто не пережил голод, тот не поймёт и даже усмехнётся.

Да, были мы полуголодные, плохо одетые. Но мы не унывали! Росли, учились, были активными. До всего нам было дело. Мы были настоящими гражданами своей страны, чего и новым поколениям желаю.

Сентябрь 2013

*Забайкальский край,
г. Чита*

«Иконы спасли от расстрела...»

Родилась я 24 сентября 1938 года в с. Каплино Белгородской области (недалеко от Старого Оскола) в семье Григория Антоновича и Анны Васильевны Туринских. После окончания школы в 1956 году выехала на учебу на Урал. Специальность получила в ветеринарном техникуме. В 1973 году по программе переселения прибыла с семьёй в село Беклемишево (Читинская область). Работала дояркой. Избиралась депутатом местного Совета. Сорок лет труда отдано этому селу. Муж был трактористом.

В 1942 году немцы заняли наше село. В наш дом зашло пятеро немцев с автоматами. На них были сапоги, и у курток засучены рукава. Прошлись по избе и взяли всё ценное. Постояли у икон. Если в доме не было икон – значит, тут живут коммунисты, пособники партизан, их расстреливали на месте. Об этом нас предупредили беженцы из Белоруссии, проживавшие в нашем селе. Добра от оккупантов ждать не приходилось. И мы достали даже иконы, хранившиеся в сундуке у бабушки.

Забирали скот, в куриц стреляли из автоматов. Когда гонялись за курами, одна из них спряталась в кустах смородины. Она долго ещё у нас жила и всегда, когда раздавались выстрелы, убегала в кусты. Погибла от их рук тогда и моя кошка. Вроде мелочь, но для ребёнка это – незабываемая жестокость.

Немцы были очень жестокие. Мама рассказывала, как они одну женщину привязали к столбу и у неё на глазах закололи штыками её годовалого сынишку. Кто-то донес, что её муж – кадровый офицер. Охотились за молодыми женщинами и девушками. Как-то к речке согнали коров и забили штук десять, а мясо раздавали молодым женщинам и требовали их адреса. Сами немцы, когда купались в речке, почему-то надевали каски. Было смешно: в трусах и каске. Вслед за немцами в село заявились румыны, венгры. Они, надо признать, относились к

Слева – мой дядя Василий Васильевич Ростовцов. Я – ученица пятого класса

местному населению нормально, только вот в холодное время года вырубали на дрова сады. Идти за дровами в лес опасались: боялись партизан. И не зря боялись: наши народные мстители находились в лесу всего в двенадцати километрах от нас. Бывали и ближе.

В течение года село переходило из рук в руки. Только в августе 1943 года завершилось освобождение села. За время войны в нашем селе сгорело много домов. В Старом Осколе уцелело только три здания: педагогический институт, музей и Дом обороны.

Перед уходом немцы раздавали военнопленных за плату – за драгоценные изделия, украшения. Кто-то выкупал своих родственников, а некоторые сельчане выкупали чужих, чтобы спасти их от расстрела.

После войны ещё долго взрывались противотанковые мины. Как забудешь такое!.. Погибли дети, наши сверстники и скот. Наступил настоящий голод, но жили все дружно. Делились и одеждой, и продуктами. Работали в колхозе с четырех часов утра и до десяти часов вечера. Косили хлеб вручную, пахали на коровах. Ходили в тюнах – они похожи на лапти. Их плели из верёвок, из конопли.

Мама, Анна Васильевна Ростовщикова, работала на свиноферме, была передовой работницей. Как-то на трудодни она получила 30 килограммов зерна, горсть медяков и в качестве поощрения – портрет во всю газету. Радостью для нашей семьи было и то, что отец, Григорий Антонович Туринский, воевавший за Родину

на Тихоокеанском флоте, был жив и здоров.

...Сейчас, когда смотрю, что творится на Украине, вспоминаю такой случай. После войны к нам приехала женщина с Украины, чтобы поклониться русской матери, сын которой спас её сына. Он вытащил его из горящего танка. В знак благодарности она привезла три ковриги хлеба, настоящего пшеничного хлеба, без всяких добавок. Это был самый дорогой для нас подарок.

Муж ныне уже покойный. Проживаю с дочкой. У нас трое детей, три внука и четыре правнука. Есть для кого жить и вспоминать трудное, но достойное былое.

Март 2014

Забайкальский край,
г. Чита

Литературные страницы

Священная война

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, –
Идёт война народная,
Священная война!

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья чёрные
Над Родиной летать,
Поля её просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечести
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Василий Лебедев-Кумач

Встаёт страна огромная,
Встаёт на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, –
Идёт война народная,
Священная война!

Василий Лебедев-Кумач,
1941

Алексей Сурков

Пора!

Слушаются ночные тени.
Не сесть и не разжечь костра.
В душе обида поражений
Ещё свежа, ещё остра.

Мы слишком долго отступали
Сквозь этот чёрный, страшный год.
И кровь друзей, что в битвах пали,
Сердца стыдом и болью жжёт.

Путём от Прута и от Буга
Нас на восток гнала гроза.
Ну как мы взглянем друг на друга?
Как глянем родине в глаза?

На всём пути дымятся хаты,
На всех полях войны печать.
Что ж мы молчим? Ведь мы солдаты.
Нам надо кровью отвечать.

Пора! Уже в донских станицах
Враги пытаются нашу честь.
Ведь порох есть в пороховницах,
И ярость есть, и сила есть.

За то, что нам всего дороже,
За боль и горечь всех скорбей,
Рукой, не ведающей дрожи,
Ты малодушного убей.

Пора! Бестрепетно и смело
Пойдём вперёд сквозь кровь и дым.
И Родины святое дело
На поруганье не дадим.

Алексей СУРКОВ,
на Дону, 1942

Утро в окопе

Когда по окопам прошла перекличка,
Когда мы за чаем беседу вели,
Порхнула хохлатая серая птичка
Над кромкой ничьей, одичалой земли.

На ближней раките листву колыхнула,
И отзвуком прежних, спокойных времён
Над полем, оглохшим от грома и гула,
Рассыпался тихий, серебряный звон.

Просторно вдохнули солдатские груди
Весеннего воздуха влажную прель.
Сердцами и слухом окопные люди
Ловили нежданную, чистую трель.

И самый старейший из нашего круга
Сказал, завивая махорочный дым:
— Вот тоже, не Бог весть какая пичуга,
А как заливается! Рада своим.

Алексей Сурков,
Москва, 1943

Софье Кривс

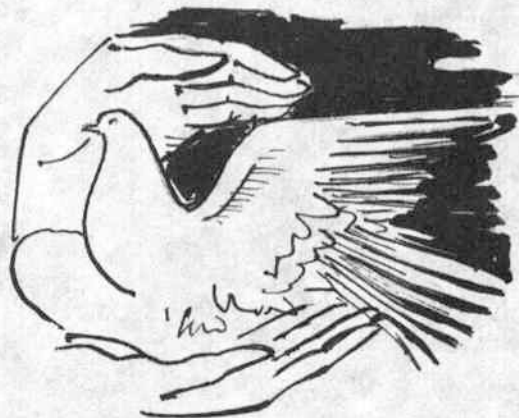
Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза,
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Алексей Сурков,
1941

Предчувствие весны

Видно, уж нам дорога такая —
Жить на земле от войны к войне.
Плещет речушка, у ног протекая,
Ласточки гнёзда выют на стене.

В золоте полдня сосен верхушки,
Солнца звенящего — край непочат.
А из-за леса тяжёлые пушки,
Не уставая, кричат и кричат.

Кто запретит в этот полдень кричать им?
Что им до радостной боли зерна?
Им ведь не слышно, что вешним зачатием
Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе.
Мы не хотим под ярмом одичать.
Ради цветенья и радости ради
Мы заставляем железо кричать.

Пусть наше время жестоко и дико, —
Вытерпи! Землю ногтями не рви.
Мы для детей из железного крика
Выплавим светлую песню любви.

Алексей Сурков,
Западный фронт, 1942

Николай Старшинов

* * *

И вот в свои семнадцать лет
Я стал в солдатский строй...
У всех шинелей серый цвет,
У всех один покррой.

У всех товарищей - солдат
И в роте, и в полку —
Противогаз, да автомат,
Да фляга на боку.

Я думал, что не устою,
Что не перенесу,
Что затеряюсь я в строю,
Как дерево в лесу.

Льют бесконечные дожди,
И вся земля — в грязи,
А ты, солдат, вставай, иди,
На животе ползи.

Иди в жару, иди в пургу.
Ну что — не по плечу?..
Здесь нету слова «не могу»,
А пуще — «не хочу».

Мети, метель, мороз, морозь
Дуй, ветер, как назло, —
Солдатам холодно Поврозь,
А сообща — тепло.

И я иду, и я пою,
И пулемёт несу,
И чувствую себя в строю,
Как дерево в лесу.

Николай Старшинов, 1946

Александр Прокофьев

Яблоня на минном поле

Она в цвету. Она вросла в суглинок
И ветками касается земли.
Пред ней противотанковые мины
Над самыми корнями залегли.

Над нею ветер вьёт тяжелым прахом
И катятся седые облака.
Она в цвету, а может быть, от страха
Так побелела. Не понять пока.

И не узнать до осени, пожалуй,
И я жалею вдруг, что мне видна
Там, за колючей проволокой ржавой,
На минном поле яблоня одна.

Но верю я: от края и до края,
Над всей раздольной русской стороной,
Распустятся цветы и заиграют
Иными днями и весной иной.

Настанет день такой огромной доли,
Такого счастья, что не видно дна!
И яблоня на диком минном поле
Не будет этим днём обойдена!

Александр Прокофьев, 1944

Давид Самойлов

Сороковые

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей, замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И всё на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Давид Самойлов, 1961

Семён Гудзенко

* * *

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

Семён Гудзенко,
1946

Михаил Светлов

Итальянец

Чёрный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца, —
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далёком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришёл с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землёй Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным учёным изучена?
Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далёких колоний,
Чтобы крест из ларца из семейного
Вырастал до размеров могильного...

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застеклённое в мёртвых глазах...

Михаил Светлов, 1943

Константин Симонов

* * *

Майор привез мальчишку на лафете,
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста,
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надёжней места
Отныне в мире для ребёнка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал...

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть ещё другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца,
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За всё, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

Константин Симонов,
1941

Бессмертник

Спустился на степь предвечерний покой,
Багряное солнце за тучами меркнет...
Растёт на кургане над Доном - рекой
Суровый цветок – бессмертник.

Как будто из меди его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

Анатолий Софронов

С ним рядом на гребне кургана лежит
Казак молодой, белозубый,
И кровь его тёмною струйкой бежит
Со лба на холодные губы.

Хотел ухватиться за сизый ковыль
Казак перед самою смертью,
Да все было смято, развеяно в пыль,
Один лишь остался бессмертник.

С ним рядом казак на полоске земли
С разбитым лежит пулемётом;
И он не ушел, и они не ушли –
Полроты фашистской пехоты.

Чтоб смерть мог казак молодой пережить
И в памяти вечной был светел,
Остался бессмертник его сторожить –
Суровой победы свидетель.

Как будто из меди его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

Анатолий Софронов,
1942

**Я из поколения тех детей страны...
(Отрывок)**

Я из поколения тех детей страны,
В кого фашисты яростно стреляли,
Кто сам изведал ужасы войны,
Кого с родителями заживо сжигали.

Из тех, кто у станков в тылу стоял,
И в поле собирал пшеничный колос,
Кто раненым повязки поправлял,
От похоронок плакал в полный голос.

Нам было трудно, что тут говорить.
Мы знали голод, холод тоже знали.
И мне сейчас не стыдно повторить —
Мы о конце войны, как взрослые, мечтали.

Прошла война. Настал Победы час.
И годы мирной жизни полетели.
Страна, мужая, вырастила нас.
Мы стали тем, кем очень стать хотели.

Мы строили заводы, города.
И человека в космос отправляли.
Ни о каком предательстве тогда
Мы даже в страшном сне не помышляли...

Галина Селянкина,
заместитель председателя
Таганрогского совета женщин
«Надежда России»

Раздел II

На оккупированной территории

Мальчик из села Поповка

Отступая из деревни Поповка, немцы сожгли её дотла. Работоспособное население угнали с собой, а стариков и детей – расстреляли. Единственным жителем Поповки, уцелевшим после ухода немцев, был трёхлетний Петя.

*Среди сугробов и воронок
В селе, разрушенном дотла,
Стоит, зажмурившись, ребёнок,
Последний гражданин села.*

*Стоит белоголовый Петя
И плачет, как старик, без слёз.
Три года прожил он на свете,
А что узнал и перенёс!..*

Самуил Маршак

АВТОРЫ ВТОРОГО РАЗДЕЛА

ГОВОРКОВА Нина Фёдоровна

ДРЁМОВА Людмила Петровна

ЕВСЕЕВА Лидия Юрьевна

КУРЕННАЯ Елена Фёдоровна

МИХАЙЛОВ Владимир Александрович

СТАШКЕВИЧ Зоя Владимировна

ТРУХИНА Галина Ивановна

ЦВИГУНОВ Степан Иванович

ЩЕРБАКОВА Александра Михайловна

Нина Говоркова

«Наших матерей

немцы запрягали в плуг...»

Мой год рождения – 1935-й. Когда немцы в конце 1941 года пришли в нашу деревню, мне было шесть лет. Зашли они в дом; немец спросил, есть ли карточки. Видимо, речь шла о продуктовых карточках (хотел выяснить по ним состав семьи). Мать не поняла вопроса, сняла фотокарточки – они были застеклены, – подаёт ему. Немец как бросит их матери в лицо! Всё её лицо было в крови. Мне, конечно, стало жалко маму, я бросилась и укусила немца за руку. Можно представить, что он из меня сделал, – лепёшку! Я, наверное, три дня лежала без движения.

Пришла весна. Наших матерей немцы запрягали в плуг пахать землю. Три женщины везли, одна держала плуг, а нам, детям, давали прутья, чтобы мы их били, погоняли ими, как скотом. Если они не вспашут норму, их стегали розгами, а нас били, что мы их плохо били прутьями. Про бабушку полицай сказал, что у неё сыновья – партизаны. Её увели в погреб, изнасиловали, пытали. Она там сошла с ума. Когда её вывели, она никого не узнавала.

Моя мать была связной, ходила на задания, носила записки в лес к партизанам. У нас в деревне были раненые. Их прятали, выхаживали. Помню, однажды ночью привели к нам раненого командира. Немцы были в хате, и раненого держали на «вышке» (хаты были покрыты соломой). Мать отправляла к нему меня – давать лекарства и носить еду. Я привыкла к нему и стала называть его папой. А когда ему стало лучше, его увезли обратно в лес. Мне, конечно, об этом никто не сказал. Я полезла на чердак, вижу: его нет. Я закатила истерику – куда моего папку дели? Немцы услышали, поставили нас с мамой рядом: говори, кто был отец? Мама ничего не сказала, тогда они меня бросили в колодец. Воды там не было, колодец был заброшенным. Сколько лежала, не знаю. Ночью собрались женщины и вытащили меня.

Позже мама увезла меня в другую деревню. Там были лес и речка – немцы туда не заходили, боялись партизан. Однажды, когда

мама направлялась к партизанам, её выследил и поймал полицай. Но она как-то выкрутилась, а потом рассказала об этом Учителю (так его все называли, ему было тогда лет восемьдесят). Он запретил ей ходить к партизанам. Искали другого связного, да не нашли. Тогда мать предложила, чтобы ходила я. Жена Учителя заплетала мне в косичку записку, меня встречала повариха партизан – бабушка, говорила: «Давай я тебя расплету!» Покармит меня – опять заплетёт. Скажет: «Ну иди!» Так я ходила почти год. Когда пришла похоронка на отца, я побежала к Учителю. Он обнял меня и говорит: «Так надо, доченька... А вы хоть одного да спасли человека!»

И вот я часто думаю: откуда у моей матери столько мужества было? Ведь она была неграмотная. Одна я у неё была, а она посылала меня на смерть. Ведь знала она это!

Отец мой, Фёдор Афанасьевич Ступин, погиб в 1943 году в Харьковской области, в Дергачёвском районе, село Фёдоровка. Я туда написала: дали ответ, что такого села не было и нет. Обратилась в Москву. Сообщили, что села не было, ищите левее 27 км, правее 35 км... В прошлом году ездила в район, где он призывался, да так и не нашла места его гибели.

Июль 2013

Забайкальский край,
станция Кручина
Читинского района

Людмила Дрёмова

«Освободили нас советские разведчики...»

Родилась я в 1933 году на Украине – в городе Шпола Черкасской области, в семье Петра Васильевича и Елены Викторовны Дьяченко. Образование моё среднее, смогла окончить только курсы библиотекарей. В Забайкалье оказалась в связи с переводом мужа по службе в 1963 году. Жили мы в селе Дровяная Улётовского района, где я трудилась и библиотекарем, и старшим инспектором отдела кадров. Мой трудовой стаж – более тридцати лет. Я ветеран труда.

Когда я собиралась в школу, началась война. Летом 1941 года нас оккупировали немцы. Они заняли школу и полностью хозяйничали в нашей деревне. Страшно было даже выходить на улицу. Первая моя детская встреча с врагом была, когда немец раздавил моего пупсакуклу только потому, что у неё на шлеме была красная звезда. Я долго плакала, меня утешали мама и бабушка, а немец, пригрозив автоматом, ушёл.

По селу были слышны выстрелы, крики, плач. Почти три года жили мы в оккупации. Всякое было... Собаками травили нас, детей. У меня до сих пор сохранился шрам от укуса овчарки.

Помню, как фашисты отмечали в нашей школе Рождество. В актовом зале у них стояла ёлка и были накрыты столы, а вокруг танцевали немцы. Мы подкатывали к окнам камни и глядели на это веселье.

Почти все эти годы приходилось сидеть в погребе, боялись стрельбы. Но и погреб иногда не спасал. Очень часто при отступлении немцы бросали в погреб гранаты.

Особенно было страшно, когда в нашем селе остановились эсэсовцы. Их, жестоких и злых, называли солдатами фюрера. Нас родители прятали и не выпускали на улицу. Но разве можно удержать детей! Вот и приходилось нам ходить, крадучись по родной земле.

Особенно мне запомнилось утро весны 1944 года, когда нас освободили наши разведчики. Первого лейтенанта, которого мы

увидели в то утро, жители долго обнимали и спрашивали, наш ли он. Ведь мы не знали, что у наших солдат и офицеров не лычки, а погоны со звездами. Боже, какое это было счастье, что мы свободны, что война окончена, хоть оставался ещё целый год до Победы! Не дай бог никому пережить того, что выпало нашему поколению. Пусть радуются наши дети, внуки и правнуки, что в их жизни не было и не будет ни взрывов, ни горя, ни войны.

В 1954 году я вышла замуж за прекрасного лейтенанта, тоже пережившего со своей семьёй войну. Сам он из Курска, жил в деревне недалеко от села Прохоровка, где проходило знаменитое танковое сражение. Так и свела нас судьба: я с Украины, он – из России. В 1963 году перевели нас с Украины в Читу – в посёлок Дровяная. Так мы стали забайкальцами. В 1985 году в звании подполковника муж демобилизовался, и мы остались жить в Чите; получили здесь квартиру. Вырастили двоих сыновей; старшего уже и похоронили четыре года назад. Но, несмотря на большое горе, жить нужно дальше. Есть младший сын, внуки и лучшие на свете новости. Теперь вот ждём правнука. Жить нужно, чтобы помогать внукам растить их детей, пока ещё есть немного сил.

Вот и говорим всем: радуйтесь чистому небу, яркому нашему забайкальскому солнцу и уважайте тех ветеранов (их осталось так немного), которые, рискуя жизнью, принесли нам Победу. Да, годы пролетели как птицы. И вот

через семьдесят лет разрушительная беда вернулась на землю моей родной Украины. Началось переписывание истории, осквернение могил участников Великой Отечественной войны, глумление над самым святым, что было в нашей жизни и судьбе европейских народов.

Всех их освобождал от порабощения советский солдат. Забывать об этом – и преступно, и грешно.

Октябрь 2013

Забайкальский край, г. Чита

Лидия Евсева

«Спасла от виселицы девочка Цеся...»

Родилась я 16 мая 1942 года в селе Бутурлиновка Бутурлиновского района Воронежской области, где моя мама, Мария Марковна Киценко, работала в сельском Совете. Отец с началом Великой Отечественной войны трудился на строительстве и обслуживании военного аэродрома под Борисоглебском. Своё школьное образование начала в 1948-м и окончила в 1961 году. Трудилась в тресте зелёного хозяйства и заочно училась в Харьковском техникуме зелёного строительства. Успешно окончила учёбу в 1964 году. В Забайкалье – с 1984 года. Вела преподавательскую работу на станции юннатов Черновского района Читы. В 1995 году вышла на пенсию по инвалидности (II группа). Мой трудовой стаж – более тридцати пяти лет. Принимаю участие в общественных делах клубов «Золотая осень», «Гураночка», в хоре слабовидящих. Состою в организации одиноких граждан. Дома занимаюсь поделками из бисера, гофрированной бумаги и салфеток. Шью, вяжу, сочиняю стихи для себя.

По рассказам мамы, к отцу, Юрию Николаевичу Свинаренко, подчинённые обращались не иначе как «гвардии майор инженерных войск». Мама была мной беременна, когда в село вошли немцы и всех работников сельской власти, колхоза погнали к виселицам. Беда казалась неминуемой. Но случилось чудо. Жившая в селе девочка Цеся быстро и незаметно пробралась к нашим военным и сообщила им, что фашисты готовятся повесить людей. Спасибо этой девятилетней девочке: она спасла много жизней, в том числе – мамину и мою. Наши бойцы выбили немцев из села.

В конце 1943 года мама увезла меня к бабушке Анне в город Днепропетровск. В 1947 году был голод. Меня, опухшую от голода, срочно отправили в детский дом. Там было хорошее питание. В 1948 году мама взяла меня из детско-

го дома, и я пошла в школу. Помню, что из детского дома в подарок мне принесли портфель и ботинки. До этого я ходила в школу в тапочках и с тряпичной сумкой. В 1952 и 1953 годах я не училась, – оглохла. Видимо, было осложнение после болезни. В 1961 году меня, выпускницу школы, охотно приняли на работу в трест зелёного хозяйства и всячески поощряли учиться заочно.

Через десять лет я вышла замуж за Петра Михайловича Журавлёва. Вскоре, в 1976 году, пришлось проститься с ним. Овдовев, я с сыном переехала на постоянное жительство в Читу.

Хочу сказать молодёжи, что жизнь надо прожить достойно. Найти себя в деле с учётом своих способностей и возможностей. Постоянно идти вперёд, не стоять на месте. Помнить слова из Библии: «Ищите, и дано вам будет».

Что же касается пережитого нашим поколением военного лихолетья – о нём нельзя не вспоминать, не размышлять. И у меня родились строки:

Чем больше лет прошлое времён тех давних,
Когда отгрохотали дни войны,
Тем неестественно страшнее,
Что погибали деды и отцы.
А сколько бед пришлось терпеть в тылу...
Всем остальным! И матерям, и детям!

Сейчас же верится с трудом:
Как выжить удалось на этом свете?
Трудились все, усталости не зная,
Старались из всех сил... для фронта.
И вот она пришла – родная
Победа разума,
Победа совести,
Победа чести!

Октябрь 2013

Забайкальский край, г. Чита

Елена Куренная-Берцик

«Отца перевозили
из одной тюрьмы
в другую...»

«Apukát szállítottak az
egyik börtönből
a másikba»^{*}

Родиться мне выпало 20 ноября 1938 года в Закарпатье, в семье частного ремесленника Фёдора Имревича Берцик и домохозяйки Паулины Иосифовны Дребитко. Тогда наш красивейший горный край под названием «Подкарпатска Русь» входил в состав Чехословацкой Республики. Но события развивались стремительно. И уже вскоре живописную долину реки Латорицы (вдоль неё и расположилось родное моё село Нелепино) и горную часть Карпат оккупировала союзница гитлеровской Германии – Венгрия.

Моё школьное обучение началось в 1945 г., уже после освобождения Карпат советскими войсками, в Ужороде, продолжилось в Нелепинской семилетке и средней школе № 1 районного центра Свалява. Высшее образование получила в 1955–1960 гг. в Киевском государственном университете им. Т.Г. Шевченко, на его факультете журналистики. В августе 1960 г. по организованному вызову редакции Читинской областной молодёжной газеты (при редакторе А.Ф. Шаронове) прибыла в Читку, на годы и десятилетия связав свою жизненную и творческую судьбу с Забайкальем.

По два периода трудилась в «Комсомольце Забайкалья», на Читинском радио и в системе защиты авторских прав (ВААП, РАО). Работала также в «Забайкальском Рабочем», в центральном журнале критики и библиографии, органе СП СССР «Литературное обозрение». Есть мой творческий след в газетах «Забайкальские областные ведомости»,

^{*} Заголовок воспоминаний переведён автором на венгерский – язык оккупантов Закарпатья в 1939–1944 гг. (Прим. ред.)

Раздел II. На оккупированной территории

«Чита литературная». Успешно разрабатывала историко-литературные темы. В 1969–1971 гг. была основателем и составителем 23-х выпусков литературного клуба «Гуран» («Комсомолец Забайкалья»), автором исторического вестника «Во глубине сибирских руд», радиостанции «Сияние Севера» для малочисленного народа Севера (1989–1994 гг.), литературных сценариев «...И дум высокое стремленье», «Край мой, Забайкалье» (Читинское радио и Читинская студия телевидения).

Являюсь редактором и составителем тридцати «чужих» книг и автором собственных. Мои «Сказки Северного Чума» вышли двумя изданиями – 2004 и 2011 гг. Третьей стала эллия «Что же мне так больно и так трудно? ...» К своим произведениям причисляю и второй том «Сказов народов Сибири» – «Забайкалье – золотая моя колыбель» 2005 г.: в нём слишком большая моя авторско-составительская работа.

Трудовой стаж перевалил за сорок лет. Ветеран труда. Отмечена знаком ЦК ВЛКСМ «За освоение целинных и залежных земель» (1956 г.). В составе отряда Киевского госуниверситета убирала целинный урожай в Кустанайской области Казахстана. Победитель соцсоревнования 1978 г. Обладатель золотой медали им. Н.М. Пржевальского Русского Географического общества за редактирование юбилейных «Записок ЗФ РГО» (в 4 частях, 1997). Была в числе поощрённых премиями им. В.К. Курнатовского Читинской областной организации Союза журналистов СССР, в рядах которой состою с 1971 г. Почётный гражданин с. Романовка Республики Бурятия. Лауреат международной литературной премии им. В.К. Винниченко за 2013 год. Член Союза писателей России. У меня трое детей и шестеро внуков.

Я – четвёртый ребёнок у родителей, впереди меня «живая лесенка»: старшему брату Тиберию к лету 1941 года исполнилось одиннадцать, сёстрам Изабелле девять и Цецилии шесть лет. Ну а мне – два с половиной годика. Я ещё сплю и частенько играю в своей любимой «гойдалке», в деревянной качалке ручной работы внушительных размеров. Днём для равновесия она задвинута в угол между стенкой и низеньким кухонным топчаном. Мама возле плиты готовит еду, приглядывает за мной и что-то напевает. Прислушиваюсь. Если мама запоёт девятикратное «Аллилуйя», я тоже подам свой голос, мне нравится это ласкающее слово и его нарастающая мелодия.

Случившиеся в селе перемены замечаю даже я. Раньше в такое вот послеобеденное время и ближе к ужину к нам ежедневно заходила и столновалась у нас супружеская пара чешских учителей. Уже с порога они спрашивали у мамы или отца:

– Цо матэ к вечежи? (Что у вас на ужин?)

А мне каждый раз дарили по цветному мелку. Мелками я рисовала на дощечке. Теперь этих учителей нет. В школе преподают на венгерском языке, его учат и мои брат с сестрой.

Через наполовину застеклённую дверь, ведущую на веранду, нам с мамой видно: идёт не-

Наша семья. 1940 г.

Справа с детьми Мелания Ивановна Кэллё, уроженка Словакии. Профессиональный скрипач, она в 1938 г. стала основателем детского сада в нашем селе.

Фото 1946 г.

знакомец, сельский жандарм. Высокий, рослый. На выпяченной груди у него крест-накрест коричневые ремни. Такого же цвета кобура и что-то длинное, свисающее в чехле вдоль бедра. А на голове – серый шлем с пучком чёрно-зелёных перьев. Он заговаривает с мамой. Она понимает его, отвечает ему: «йов» («хорошо») – и из соседней комнаты (она же наша мясная лавка с выходом на улицу) зовёт отца. Жандарм отдаёт отцу какие-то бумажки под роспись. Когда гость наклоняется над столом и что-то объясняет, на его шлеме перья свисают сзади настоящим петушиным хвостиком. Мне смешно. Показываю рукой на этот хвостик и выговариваю по слогам: «Ку-ка-ле-ку...»

А вот родителям не до смеха. Они огорашены: отцу вручены сразу четыре повестки. Каждый понедельник уже близкого июля ему предстоит являться к следователю военной комендатуры Свалявы (это за три километра от нашего дома). Чтобы я не мешала обсудить происшедшее, мама вытаскивает меня из «гойдалки», усаживает на топчан, поит молоком с домашним печеньем и даёт мне для игры все три дет-

ские пасхальные корзинки, вышитые салфетки к ним, сыплет мне на ножки грецкие орехи. Она знает: всем этим я могу играть часами. Сама же усаживается рядом с отцом к большому обеденному столу. Но к еде они так и не притронулись в тот день.

Чем может кончиться любой из допросов в военное время, родители хорошо понимают и уже слышаны. С весны в селе арестовано двенадцать человек. Прошли аресты по всему Закарпатья. Искали и сотрудников газеты «Карпатска Правда» во главе с редактором, соратником отца по членству в КПЧ (компартии Чехословакии) Юрием Гаджегой. Но редакция успела эмигрировать в Англию. Всех заподозренных в малейших проявлениях былой «чешской демократии» свозят в Паланок (так у нас называют старинный Мукачевский замок).

– При чехах, – говорит отец, – подвалы замка пустовали, никаких арестантов не было. Туда закатывали бочки лучшего боржавского вина... Президент Чешской Республики Теодор Масарик строил школы и училища в Закарпатье. А приспешник Гитлера Миклош Хорти снова открыл крепостные тюрьмы...

Мама тоже опечалена и разочарована. Мадьяры в военной форме появились в наших местах тихо, без единого выстрела. Они охраняют проход немецких эшелонов на восток, в промежутках варят себе на кострах кофе и цикорий. Учивые, богобойные. По воскресеньям молятся в свалявской римо-католической церкви. Казалось, что уж они никак не могут издеваться над людьми.

– Нужно быть готовым ко всему, – решает отец и передаёт маме ключи от магазинчика. А сам выводит из «стодолы» (завозни) нашу лошадь, запрягает её в телегу и все дни до первого допроса заготавливает продукты и дрова для семьи. Привозит и заносит в кладовую (ею и стала освобождённая от товара лавка с цементным полом) по мешку пшеничной, ржаной и кукурузной муки, перловой крупы, риса. В маслобойне одного из венгерских сёл выменивает на дрова два бидона душистого подсолнечного масла, а с ними и лакомство для нас – мешочек чищенных семян подсолнечника.

Во дворе запахло дымком: отец коптит непроданное сало и развешивает его на крюки в кладовой. А мама в саду, в большом медном котле варит повидло из созревших ранних

**Это была демOVERсия книги - Детство, опалённое войной.
Литературно-публицистическая книга документальных
свидетельств детей войны**

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34